

Опубликовано 11 апреля, 2019 - 13:45

В интервью Forbes Life Петр Авен рассказал, во сколько он оценивает свою коллекцию русского искусства и почему в его доме до сих пор висят поддельные работы

О своей коллекции живописи Петр Авен заявил в 2008 году, выпустив каталог. Затем пробил звездный час других его коллекций: во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства были выставлены собрания советского фарфора и агитлака, а в начале 2019 года в музее прошла презентация каталога коллекции керамики абрамцевского кружка. О роли мецената в истории искусства, о трудностях коллекционирования и сотрудничества с музеями Петр Авен поговорил с Forbes Life.

Пять лет назад Forbes составил рейтинг самых богатых коллекций. Ваше собрание оценивалось в \$500 млн. Во сколько вы бы оценили его сегодня?

За последние годы фундаментальных изменений в коллекции не произошло. Хотя у меня появились новые скульптуры Луизы Буржуа, Генри Мура, Томаса Шютте.

В западной прессе фигурировала цифра \$2 млрд.

\$2 млрд — цифра точно завышенная. Тем более русское дороже не стало, ничего великого за последние пять лет из русского я не купил.

Чтобы русское искусство росло в цене, его нужно продвигать на Западе, устраивать нестандартные выставки, чтобы оно прозвенело. Когда в 2015 году мы с Рональдом Лаудером готовили выставку из двух наших собраний в Нью-Йорке «Русский модернизм: пересечения немецкого и русского искусства. 1907–1917», директор Neue Galerie, эксперты сопротивлялись идее выставки, полагая, что публика не пойдет. Но выставка вызвала бум. Четыре месяца зрители стояли в очереди.

Наши, российские, художники-экспрессионисты точно не слабее немцев, но на рынке они по-прежнему стоят дешевле. Я планирую в ближайшие годы провести несколько выставок и потом решу, что делать с коллекцией. Может быть, открою галерею русского искусства по принципу Neue Galerie.

Как-то вы сказали, что у вас нет запасников, все картины висят, все коллекции расставлены. Как это организовано? В Латвии — латышское искусство, в Москве — русское?

По-разному. Это связано с моим желанием показывать коллекции. У меня довольно открытый дом. Живопись развешена в Москве и Лондоне, весь фарфор и агитлак — в Лондоне. В Подмоскovie, в доме 1935 года постройки (по сути, это большая деревянная изба) хорошо смотрится майолика Врубеля. А латышское искусство — в Латвии.

Петр Олегович, разные коллекции требуют разных знаний, разного коллекционерского темперамента. Насколько по-разному собираются, например, живопись и майолика Врубеля?

Собирать керамику Врубеля тяжело. Вещей очень мало, буквально каждая в единичном экземпляре. Искали на аукционах Sotheby's, Christie's. Но основная масса вещей сохранилась в

старых московских интеллигентных семьях.

Когда я стал покупать, получил известность на рынке, мне стали приносить работы. Большую часть вещей я купил у замечательного дилера, искусствоведа по образованию Михаила Александровича Фадеева. Все тихо-мирно в отличие от живописи, где были разные детективные истории с покупками, с погонями, с угрозами, с наследниками.

Какая драма поджидает коллекционера русской живописи?

Я несколько раз покупал поддельные работы. Две сейчас висят у меня дома. Одну картину продали известные искусствоведы. Я уверен, они знали, что делают. Все эти разоблачения — очень неприятная, нервная история.

Как это бывает? Покупаешь вещь, смотришь на нее и понимаешь: что-то не то. Приходят специалисты из государственных музеев, говорят: давайте изучать более тщательно. Приходят к выводу, что работа ненастоящая. Вот. Потом предъявляешь претензии тому, кто продал. Одну такую работу я вернул, мне отдали деньги. А две работы так и остались у меня. В принципе мои отношения с этими людьми еще не закончились, хотя прошло уже 20 лет.

Каково это, обнаружить, что тебя обманули?

Больше всего подделок в фарфоре. Там труднее всего определить подлинность. С фарфором в какой-то момент я стал поступать просто: брал вещи и, если узнавал, что они фальшивые, не отдавал ни деньги, ни вещи. Я проводил экспертизу и два-три раза оставлял себе фальшивые тарелки. Когда мне звонили, отвечал, что отдавать не буду, отнесу в милицию. И однажды я так и сделал. С тех пор мне перестали носить фальшивые вещи. Фарфор я покупал, только если три ведущих эксперта — Татьяна Кумзерова, Наталья Петрова и Эльвира Самецкая — давали заключение, что вещь настоящая. И тем не менее пару раз мне продали подделки.

Только с керамикой таких проблем не было. Дело в том, что подделать майолику Врубеля почти невозможно. Поэтому вопрос идентификации не стоит. Врубель гениален. Хотя неорусский стиль, идеи Аксакова, которому до Мамонтовых принадлежало Абрамцево, идеологически мне не близки. Абрамцевские художественные поиски — очень славянофильское искусство. А я вообще-то — человек западнический. Но оригинальность идей Врубеля совершенно фантастическая. Его «Демон», например, написан тогда, когда про кубизм еще никто и не думал.

Презентация каталога вашего собрания абрамцевской керамики прошла во Всероссийском музее декоративноприкладного и народного искусства. Следующий шаг — выставка?

Сейчас мы делаем большую выставку советского фарфора и агитлака в 2020 году в Лондоне. А после выставку абрамцевской керамики. Каталог своей коллекции я издал на двух языках в расчете на продвижение керамики за границей.

Я думаю, эти выставки вызовут шок на Западе. И советский фарфор, и агитлак, и майолика Врубеля — поразительные, почти никому не известные вещи. Кстати, во многом как и русская живопись. Ведь когда говорят «модерн», имеют в виду французский модерн; говорят «югендстиль», имеют в виду немцев и австрийцев. Россия остается на обочине. Хотя у нас была создана своя национальная школа модерна с гениальным художником во главе.

На выставке в Академии художеств в Лондоне в 2017 году были мои вещи. Висел Петров-Водкин из собрания Русского музея и из моей коллекции. Петров-Водкин — великий художник, но на Западе не известный. И, конечно, Врубель. У меня практически полное собрание

скульптурной майолики Врубеля. Мне уже пару лет ничего не предлагали купить.

В живописи я многое понимал уже в 13 лет. Я со школы хотел собирать «Бубновый валет»

Как вы формировали свои коллекции, по какому принципу?

Сначала я придумал, что собирать и как, а потом стал собирать. Важно собирать систематическую интересную коллекцию, в которой есть явный нарратив. Покупать дорогую западную живопись, мне кажется, достаточно странно. Современную — еще ладно. Может, что-то новое удастся собрать.

Я очень приветствую то, что Михельсон создает первый в России музей современного западного искусства, систематическую музейную коллекцию. Но в отличие от Леонида Михельсона масса людей покупает просто дорогие западные вещи, от Моне до Леонардо да Винчи. Это мне кажется бессмысленной затеей.

Если собирать коллекцию, надо иметь собственный нарратив, собственное мнение, отличное от остального. Этого, к сожалению, у нас очень мало.

В какой момент вы поняли, что именно и как будете собирать?

В живописи я многое понимал уже в 13 лет. Я со школы хотел собирать «Бубновый валет». Я уговаривал отца покупать картины, но он не хотел этого делать. Поэтому, как только у меня появились деньги, я стал собирать коллекцию русской предреволюционной живописи. Сейчас это кажется очевидным, но в начале 1990-х годов Гончарова была в запасниках, Ларионова никто особо не показывал. Конечно, профессионалы типа Глеба Поспелова или Дмитрия Сарабьянова всё хорошо понимали и знали. И я начал собирать такую коллекцию, которую в то время нельзя было увидеть. Я выписал основные имена и начал собирать совершенно систематически.

В списке богатейших коллекций Forbes названы, к примеру, двадцать собраний. Но коллекций там практически нет. В основном бессистемные подборки дорогих вещей.

Есть, конечно, коллекции фарфора, агитлака у Александра Добровинского, коллекция с вполне ясным нарративом у Славы Кантора.

Кстати, вы как-то купили работу Фалька пополам с Кантором. Как вы ее поделили?

Полгода — у меня, полгода — у него. Так и делим. Пока не решили, кто ее выкупит. Мы знаем еще на рынке пару работ Фалька. Если купим одну из них того же класса, то, соответственно, разделим: одну — одному, другую — другому. Но пока эти работы мы не достали.

А когда достанете, как будете решать, что кому?

Разыграем, монетку кинем — кому какая. У нас в договоре так и написано: по жребью. Договор по английскому праву, где предполагается бросание монетки.

Автор

Яна Жилыева, Андрей Золотов

Автор фотографии

Александр Карнюхин

Источник

<https://www.forbes.ru/forbeslife/374639-polgoda-u-menya-polgoda-u-nego-kak-petr-aven-i-vyacheslav>

-kantor-delyat-odnu

Source URL:

<http://vspro.info/article/polgoda-u-menya-polgoda-u-nego-kak-petr-aven-i-vyacheslav-kantor-delyat-odnu-kartinu-na>